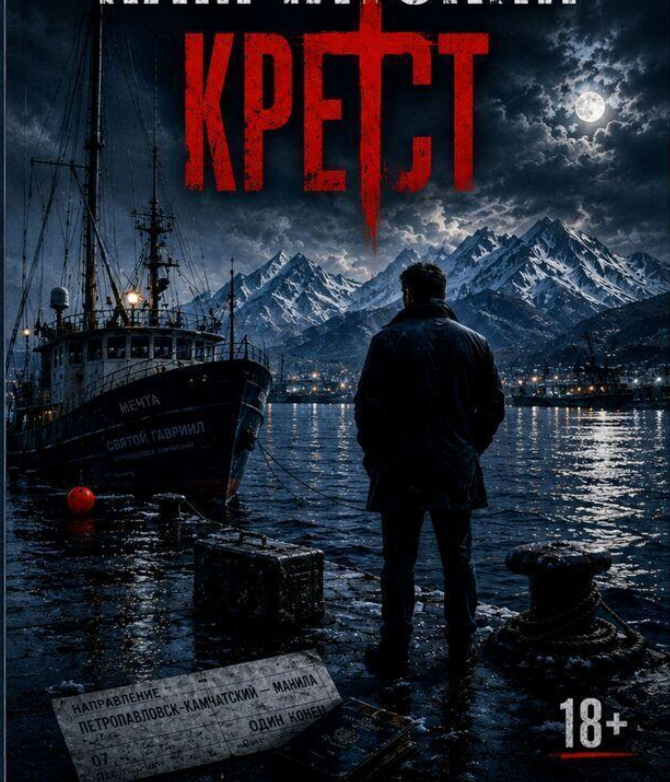


18+

СЕГА САШИН

КАМЧАТСКИЙ КРЕСТ



Сега Сашин

Камчатский крест

<https://litres.ru/74428524>

ISBN 9785007114585

Аннотация

Бывший учитель становится хозяином браконьерского промысла на Камчатке девяностых. Но море, ученики, дочь и старый долг возвращают ему всё, что он пытался купить деньгами.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

18+	5
Пролог	6
Часть первая: Учитель	9
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	30
Глава 9	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Камчатский крест

Сега Сашин

Дизайнер обложки Сергей Юрьевич Гурьянов

© Сега Сашин, 2026

© Сергей Юрьевич Гурьянов, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-1458-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

18+

Предупреждение: роман предназначен для взрослой аудитории. В тексте присутствуют сцены криминального насилия, смерть, психологически тяжёлые эпизоды, грубая речь, употребление алкоголя.

Пролог

2007 год, Петропавловск-Камчатский. Пирс №7

Зимний ветер вылизывал Авачинскую бухту до чёрной воды, до блеска, до стылого металла. Над сопками висела луна — жёлтая, больная, похожая на старую рану. Андрей Басов стоял на пирсе у уже опечатанной яхты «Святой Гавриил» и сжимал в кармане билет в один конец до Манилы.

Он не улетит. Он это знал.

Сзади хрустнул снег. Тяжёлые шаги. Двое. Нет, трое.

— Руки на виду, Басов, — сказал голос. Глухой, без интонаций, как у человека, который делает это каждый день. — Идём тихо. Там люди ждут.

Андрей даже не обернулся. Девять лет он знал, что этот день настанет, — с похорон Атыка, когда сын старика посмотрел на него не со злостью, а как на долг, записанный в чужой книге. Вопрос был не в том, придут ли. Вопрос в том, кто именно — чужие конкуренты, люди Танаки или свои. Сейчас он понял: свои. Не клыковские с битами и не японские юристы с печатями — здешние, государевы, из той же тьмы, где когда-то стояла его крыша. Это почему-то было обиднее.

— Дай попрощаться с морем, — сказал он.

— Море никуда не денется. А ты — да.

Позади стояли трое в чёрных куртках без опознаватель-

ных знаков. Лиц не разглядеть — чёрные дыры капюшонов. Самый высокий, тот, кто говорил, достал наручники.

— Не надо, — сказал Басов. — Я сам.

Он повернулся. Протянул руки вперёд. Щёлкнули браслеты.

— Можно ещё минуту?

— Валяй.

Андрей смотрел на бухту. Там, на рейде, стояли последние его корабли — три сейнера из семи, купленные на краденые деньги, перекрашенные, перерегистрированные, с почти чистыми документами. «Мечта», «Вера», «Последний шанс». Ирония судьбы: ни мечты, ни веры, ни шанса.

Он вспомнил первый рейс. 1992 год. Старый сейнер, воняющий тухлой рыбой и соляжкой. Толян-Малой с золотой цепью поверх камуфляжа. И старый коряк Атык, который смотрел на него так, будто уже знал, чем всё кончится.

— Ты зачем сюда пришёл, учитель? — спросил тогда Атык.

— Денег заработать, — ответил Андрей.

— Деньги — бумага. А ты душу не продавай.

Не продал. Просто отдал даром.

— Пошли, — сказал человек в чёрном.

Басов шагнул вперёд. «Нива» стояла у пирса, двигатель работал. Его завели на заднее сиденье. Хлопнула дверца.

Машина тронулась. Андрей закрыл глаза.

Сзади осталась яхта, бухта, луна над вулканами — Коряк-

ским, Авачинским, Козельским. Вечные и молчаливые. Им всё равно. Они стояли задолго до него. Будут стоять после.

«Камчатка не прощает, — подумал он. — Никому. Ни браткам, ни учителям, ни корякам. Рано или поздно всё возвращается».

Машина нырнула в тоннель. Свет погас.

Часть первая: Учитель

Глава 1

Сентябрь 1991 года. Усть-Большерецк

Школа №2 походила на старый сарай, который пережил три землетрясения и одно цунами. Окна заклеены газетами («Правда» за 1985 год — до сих пор про успехи пятилетки), в классах пахнет мазутом и гнилой доской. Отопления нет, батареи ледяные, поэтому учителя ведут уроки в пуховиках, а ученики сидят в шапках.

Андрей Басов, тридцати двух лет от роду, преподавал «Основы безопасности жизнедеятельности» и вёл кружок юных моряков. За это ему платили двести семьдесят рублей в месяц, выдавали дрова на зиму и разрешали жить в школьной сторожке — комнатухе восемь квадратов, где койка, стол и портрет Ленина на стене. Портрет висел ещё с советских времён, в тяжёлой деревянной рамке. Андрей не снимал его. То ли из иронии, то ли по привычке. То ли чтобы было с кем разговаривать долгими камчатскими ночами.

Он не был плохим учителем. Бывшие ученики здоровались на улице. Родители говорили «спасибо» на родительских собраниях. Директорша, Анна Ивановна, ставила его в пример молодым: «Вот Басов — отдаёт себя детям. А вы?»

Но внутри у Андрея давно что-то сломалось.

Он сидел за учительским столом, смотрел на карту мира — на ней Камчатка была маленьким когтем, впившимся в Тихий океан. За окном пуржило. В классе было пятнадцать пацанов, все — дети рыбаков. Трое в форме, остальные — в чём попало.

— Сегодня, — сказал Басов, — будем вязать морские узлы.

Пацаны оживились. Узлы — это не химия. Узлы — это настоящее.

Он раздал куски старого фала — жёсткого, пропахшего солярккой, разрезанного на метровки. Каждый сел за парту. Андрей вышел к доске, взял мел и нарисовал схему.

— Прямой узел. Применяется для связывания двух тросов одинакового диаметра. Кто знает, какой у него недостаток?

— Легко развязывается под нагрузкой! — выкрикнул маленький рыжий Витька.

— Молодец, Вить. Садись. Кто ещё?

— Ещё он «тёщиным» называется! — заржали с задней парты.

— А вот за «тёщин», — спокойно произнёс Басов, — ты у меня пойдёшь к директорше и расскажешь, что такое рифовый узел. Идёт?

Пацан сдулся. Остальные затихли.

Андрей любил этот момент — когда они слушают. Когда в

глазах — не тупая подростковая агрессия, а живой интерес. В такие минуты ему казалось, что он не зря тянет лямку.

Звонок прозвенел, когда он показывал беседочный узел. Пацаны ломанулись из класса. Остался только Витька — тот самый рыжий, который выкрикнул про прямой узел.

— Андрей Сергеич, — спросил он, переминаясь с ноги на ногу. — А вы в море ходили?

— Ходил.

— А зачем вы тогда в школе работаете? Рыбаки вон, говорят, больше получают.

Басов посмотрел на пацана. Глаза серьёзные, не детские. У таких быстро взрослеют.

— В море опасно, Вить. А в школе тихо.

— А вы боитесь?

— Все боятся, Вить. Просто одни признаются, другие — нет.

Пацан кивнул и выбежал. Андрей остался один. Выключил свет, закрыл класс, прошёл по коридору. Стены — казённые, жёлтые, с портретами учёных и писателей, которых никто уже не читает.

В учительской его ждала записка от секретаря: «Вам звонили из Хабаровска. Жена».

Он не перезвонил. Зачем? Всё уже было сказано.

Глава 2

1992 год, март. Накануне первого рейса

Вечером Андрей сидел в своей сторожке и топил печь старыми тетрадями. Пламя лизало бумагу, на мгновение выхватывая из темноты лица бывших учеников — четвертные оценки, контрольные, сочинения «Кем я стану, когда вырасту».

«Моряком», — писал один. «Продавцом», — писала девочка с косичками. «Банкиром», — бредил отличник Петров, который потом спился в соседнем селе.

Он открыл бутылку водки — «Столичная», двадцать рублей, самая дешёвая в сельпо. Налил в гранёный стакан. Выпил, не закусывая. Пожёт небо, пожёт горло, потом отпустило.

За окном выла пурга. Камчатский ветер — это не ветер, это живое существо. Оно стонет, плачет, бьётся в окна, требуя впустить. Андрей сидел, слушал и вспоминал. Вспоминал тот разговор, после которого всё пошло прахом.

1988 год. Хабаровск. Комната в семейном общежитии.

— Андрей, ну сколько можно? — Лена стояла у плиты, мешала суп. Круг за кругом, ложка скребёт по дну дюралевой кастрюли. — Ты же умный человек! Что ты там забыл на своей Камчатке?

— Я там работаю, — отвечал он, сидя на табурете.

— Работаешь? Двести рублей? Мы живём на мою зарплату продавщицы, Андрей! Надя уже пошла в школу, ей форму надо, учебники, нормальную еду!

— Я ищу варианты.

— Ты ищешь варианты уже пять лет! — Лена бросила ложку, повернулась. Глаза красные, лицо опухшее от слёз. — Я не могу больше. Или мы уезжаем отсюда — в Москву, в Краснодар, куда угодно! — или я уезжаю одна.

Андрей встал, подошёл к окну. За стеклом — серая дальневосточная тоска, панельные дома, грязь.

— Лена, давай подождём до лета.

— До лета? Ты обещаешь это уже три года! — Она подошла к нему, взяла за руку. — Андрей, я тебя люблю. Но я не могу так. Понимаешь? Не могу. Я хочу, чтобы у Нади было будущее. А на Камчатке его нет.

— А где оно есть?

— В Москве. В Краснодаре. Да где угодно, где есть работа и нормальная жизнь!

— А я?

— А ты... — она заплакала. — Ты сам реши. Или мы, или твоя Камчатка.

Она ушла на кухню. Андрей стоял у окна. За спиной — его семья. Впереди — неизвестность.

Он выбрал неизвестность.

Лена уехала в августе. Забрала Надю, два чемодана и ковер — единственную ценность. Андрей остался с портретом

Ленина и бутылкой водки.

Воспоминание оборвалось вместе с треском полена в печи. Сторожка снова стала сторожкой: восемь квадратов, портрет Ленина, пурга за окном и март девяносто второго, который не спрашивал, готов ли человек к следующему выбору.

Он налил второй. Выпил. Пожёл.

В дверь постучали. Три коротких, два длинных. Свой.

Он открыл. На пороге стоял Витька — тот самый рыжий пацан. В мокрой куртке, в сапогах на босу ногу.

— Андрей Сергеич, там... — он запыхался, будто бежал через всю пургу. — Там на пирсе мужики. Чужие. Три машины. Орут что-то. Отец послал сказать.

— Какие мужики?

— Злые. На «Уралах». С ящиками. Дядька Семён, местный участковый, вышел к ним без фуражки и без прежней власти, а они его — по морде.

Басов надел бушлат, сунул в карман складной нож — из того, что ребятам на кружке показывал. Вышел в пургу.

Ветер ударил в лицо, ослепил. Он шёл на свет фар. Три «Урала» стояли у пирса, из кузова выгружали ящики с иностранными надписями. Рядом сустились мужики — здоровенные, в камуфляже, с золотыми цепями поверх воротников.

Один из них, коротко стриженный с бычьей шеей, крутил перед лицом Семёна кулаком.

— Я сказал, хозяин! Склад наш! Понял? Кто староста?

— Я, — сказал Басов, сам не зная зачем.

Мужик обернулся. Посмотрел на него сверху вниз. Андрей, без шапки, в старом бушлате, щуплый по сравнению с этим быком.

— Ты кто такой?

— Учитель местный. А вы кто?

— Мы — люди, которые будут здесь рыбу брать. Вопросы есть?

— Есть. — Басов не отводил взгляда. — Вы разрешение взяли? Квоты?

Бык засмеялся. Остальные за ним.

— Какие квоты, учитель? Время такое, что квоты — у кого ствол. А у нас ствол есть.

Он полез за пазуху. Андрей сжал в кармане нож. Не вытащил.

— Слышь, — сказал вдруг другой, щуплый, с глазами-щёлочками, в кожаном пиджаке. Он вышел из тени. — Ты карты морские знаешь?

— Знаю.

— В море ходить?

— Ходил.

Щуплый подошёл ближе. Присмотрелся. У него было лицо хорька — маленькое, острое, с бегающими глазками.

— Клык, — позвал щуплый быка. — Не трожь учителя. Может, пригодится.

Андрей выдохнул. Пурга завывала громче.

— Завтра в пять утра быть у причала, — бросил щуплый.

— Покажешь нам, где тут богатые места.

— Денег дадите? — спросил Басов.

— Ты охуел, учитель? — Бык сжал кулак.

— Тысячу рублей, — спокойно сказал Андрей. — За выход.

Щуплый усмехнулся. Полез в карман, вытащил пачку долларов.

— Вот тебе сто, — он протянул зелёную бумажку. — Не рублей. Басов. Понял?

Андрей взял деньги. Не глядя.

— Завтра в пять. С картами.

Он развернулся и пошёл прочь. Спиной чувствовал взгляды. Не обернулся.

Дома он долго сидел, сжимая в руке сотенную купюру. Сто долларов. Месячная зарплата.

В печи догорали последние тетради.

— Ты зачем сюда пришёл, учитель? — спросил бы Атык. Атыка он ещё не знал.

— Денег заработать, — ответил бы Андрей.

В ту ночь он не спал. Смотрел на потолок и слушал пургу. Камчатка пела свою песню. Андрей ещё не знал, что эта песня — похоронная.

Глава 3

1992 год, март

Утром пурга стихла. Камчатка любит такие фокусы: за ночь наместит сугробы по самые крыши, к утру — тишина, солнце, и кажется, что живёшь в раю.

Андрей вышел из сторожки в пять без пятнадцати. Дышалось легко, мороз пощипывал щёки. Сопки на горизонте горели розовым — рассвет только начинался. Он прошёл мимо школы, мимо закрытого сельпо, мимо домов, где ещё горели окна — рыбаки собирались на путину.

На пирсе уже кипела работа. «Уралы» стояли те же, но добавился сейнер — старый, ржавый, с надписью «Мечта» на борту. Название было написано криво, белой краской, будто ребёнок выводил.

Щуплый — позже Андрей узнает его кличку: Толян-Малой — стоял на пирсе и курил. Увидел Басова, кивнул.

— Карты взял?

— Взял.

— Пошли.

Сейнер внутри оказался ещё хуже, чем снаружи. Воняло тухлой рыбой, соляжкой и сыростью. В рубке — рваный диван, старый эхолот, карты на столе, залитые кофе. Капитан, мужик лет пятидесяти с красным носом, сидел в углу и пил чай из кружки без ручки.

— Это Серёга, — представил Толян. — Капитан. Будет на мостике. А ты — штурман. Покажешь, где краб.

— Сколько идём?

— Часа три. На южную банку, за закрытую линию.

Андрей подошёл к карте. Пальцем провёл линию.

— Там закрытая зона. Если поймают — пиши пропало.

— Не поймают, — усмехнулся Толян. — У нас договорённости.

Басов хотел спросить с кем, но передумал. Меньше знаешь — крепче спишь. Он уже понял, что влез во что-то серьёзное.

Сейнер отчалил в шесть. Андрей стоял у штурвала, смотрел на море. Оно было спокойным, серым, с редкими барашками. На горизонте — вулканы, заснеженные, величественные.

На рассвете берег исчезал не сразу. Сначала туман съедал дома, потом сопки, потом людей на пирсе. Последним оставался запах дыма — будто посёлок ещё держал сейнер за корму и не хотел отпускать.

Чайки шли за ними низко, как голодные мысли. Андрей ловил себя на том, что ждёт школьного звонка, а слышит только дизель и скрип железа: новый урок начинался без доски и мела.

— Красиво, — прозвучало за спиной.

Андрей обернулся. В дверях рубки стоял старик — коряк, судя по лицу и одежде. Старый, морщинистый, в засаленной

кухлянке. Глаза — чёрные, глубокие, смотрят как-то сквозь.

— Атык, — представился он. — Проводник.

— Басов. Учитель.

— Знаю. Ты внука моего учил. Витьку. Рыжий такой.

Андрей помолчал. Витька — тот самый пацан, который прибежал вчера. Значит, Атык — его дед. Позже он узнает: Витька был сыном старшего Атыкова сына, погибшего на путине, а Эмель приходился мальчишке дядей — близкая кровь, да только кровь на Камчатке не всегда спасала.

— Хороший парень, — сказал он.

— Хороший, — согласился Атык. — Я хочу, чтобы он не стал таким, как мы.

Он кивнул на трюм, где грузили ловушки.

— А каким мы стали? — спросил Андрей.

— Ворами, — просто ответил Атык. — Море кормит. А мы его крадём. Как у матери из кармана.

Он достал трубку, раскурил. Табак пах сладко, незнакомо.

— Ты зачем сюда пришёл, учитель? — спросил он то, что Андрей уже ждал.

— Денег заработать.

— Деньги — бумага. А ты душу не продавай.

— У меня души уже нет, — тихо сказал Андрей. — Жена ушла, дочь далеко. Одна школа осталась. И та — не моя.

Атык долго молчал. Потом вымолвил:

— Душа есть. Просто спит. Ты её разбуди, пока не поздно.

Он вышел из рубки. Андрей остался один.

Через два часа они дошли до места. Эхолот показал скопление краба — огромное, плотное, как туча.

— Ставим! — скомандовал Толян.

Ловушки полетели за борт. Андрей смотрел, как они уходят в глубину, как вода смыкается над ними.

«Деньги, — подумал он. — Бумага».

Он сжал в кармане вчерашнюю сотню. Она была настоящей.

Глава 4

Первый разговор у костра

1992 год, март. Западная бухта за устьем Большой.

Ночь.

После выгрузки краба команда ушла в посёлок. Андрей остался на берегу. Сидел у костра, смотрел на угли.

— Не спится, учитель? — Атык вышел из темноты, как призрак. Сел рядом, протянул трубку.

— Не курю.

— А пьёшь. — Старик раскурил сам. — От страха?

— От совести.

— Какая совесть? Ты просто деньги зарабатываешь.

— А она есть. — Андрей подкинул ветку в огонь. — Я учу пацанов не красть. А сам ворую.

— Ты не воруеть. Ты работаешь.

— Какая разница?

— А ты спроси у себя. — Атык выпустил дым в небо. — Когда берёшь чужое для себя — это кража. А когда для семьи — это выживание.

— А для Клыка?

— Для Клыка — это работа. Ты его слуга. Но не вор.

Андрей замолчал. Огонь трещал, искры летели в чёрное небо.

— Я не хочу быть слугой.

— Тогда становись хозяином. Но помни: хозяин отвечает за всё. За каждую смерть. За каждую украденную душу.

Атык встал и ушёл в темноту.

Андрей остался у костра. Смотрел на огонь до утра.

Глава 5

Первый подъём

Первый подъём ловушек занял три часа. Краба было много — камчатский, огромный, с ногами, похожими на паучьи лапы. Он шевелился, щёлкал клешнями, пытался уползти обратно в воду.

— Живой товар, — пояснил Толян. — Японцы платят втрое больше за живого.

— Как довезёшь? — спросил Андрей.

— Хитро. Вода морская, температура плюс два, аэрация. Трюмы переделали специально.

Басов смотрел на краба. Красивое существо, когда под водой. На воздухе — беспомощное. Как он сам.

Одна ловушка поднялась почти пустой: в сетке болталась только оторванная клешня, комок водорослей и белый, как ноготь, панцирный осколок. Атык поднял клешню двумя пальцами.

— Когда море начинает возвращать части, — сказал он, — значит, целого уже мало.

Атык стоял у борта, смотрел на горизонт.

— Раньше, — сказал он, не оборачиваясь, — мой дед ловил краба руками. Столько, сколько надо на еду. А остальных отпускал.

— Времена другие.

— Времена не другие, — Атык повернулся. — Люди другие. Жадные стали.

— А ты не жадный?

— Жадный, — признался старик. — Но я знаю меру. А вы, русские, меры не знаете. Вам всё мало.

Он сплюнул за борт и ушёл вниз.

К вечеру трюмы заполнили. Толян велел возвращаться. Сейнер развернулся, лёг на обратный курс.

В рубке Андрей раскладывал карты. Серёга, капитан, дремал в углу. Толян пил чай с коньяком из термоса.

— Слушай, учитель, — сказал он. — Ты хорошо карту знаешь. Есть тут места, где рыбы много, а проверок нет?

— Есть, — ответил Андрей, не поднимая глаз.

— Покажешь?

— Покажу. За десять процентов.

Толян усмехнулся.

— Ты смелый. Или дурак.

— И то, и другое. — Андрей поднял взгляд. — Иначе бы не сидел здесь с вами.

Они ударили по рукам.

Ночью, когда сейнер уже подходил к Усть-Большерецку, Андрей вышел на палубу. Луна висела низко, дорожка по воде тянулась к берегу. Холодно, сыро.

Атык стоял у леера, курил.

— Не спится, учитель?

— Не спится.

— Знаю. У тебя первый раз. Страшно.

— А ты не боишься?

— Я боюсь только одного. — Атык выпустил дым в небо.

— Что внук узнает, кем я стал.

— Не узнает.

— Узнает. Правда всегда всплывает. Как краб из воды.

Старик затушил трубку и ушёл. Андрей остался один. Смотрел на луну, на воду, на берег, где мерцали огни.

Дома он не спал всю ночь. Пил водку и смотрел на портрет Ленина.

«Что ты на меня смотришь, Ильич? Твоя революция привела к этому. Брат на брата, учитель на ученика, коряк на русского».

Портрет молчал.

Глава 6

Первые деньги

За первый рейс Басов получил пятьсот долларов. Годовая зарплата учителя. Он сидел в своей сторожке, пересчитывал зелёные бумажки, и не верил.

«Так нельзя. Это неправильно».

Но деньги не пахли. Они пахли возможностью. Надя — форма, учебники, нормальная еда. Лена — новые сапоги, которые она просила три года. Он сам — билет в Хабаровск.

Он позвонил жене.

— Алло? — Голос сонный, недовольный.

— Лена, это я.

— Андрей? Ты чего в час ночи?

— У меня деньги появились. Много.

— С каких пор?

— Нашёл подработку. Моряком. Буду присылать.

Тишина.

— Ты не врёшь?

— Никогда не врал.

— Врёшь, — сказала она и бросила трубку.

Андрей сжал телефон. Потом положил деньги в конверт, написал адрес, заклеил.

На следующее утро он пошёл на почту. По дороге встретил Витьку. Рыжий пацан шёл в школу, портфель волочился

по снегу.

— Здравствуйте, Андрей Сергеич!

— Здравствуй, Витя.

— Вы теперь в море ходите? Дед сказал.

— Хожу.

— А меня возьмёте, когда вырасту?

— Возьму. — Андрей погладил пацана по голове. — Обязательно.

На почте очередь — бабки с пенсиями, мужики с посылками. Андрей встал в конец. Смотрел на стенд с газетами.

«Камчатский рыбак», «Полярная правда», «Известия». На первой полосе — Гайдар, реформы, цены растут. Андрей не понимал политики. Он понимал только одно: старый мир кончился. Новый ещё не начался. А в этой темноте выживает тот, кто быстрее схватит.

— Вам куда? — спросила тётка за стеклом.

— В Хабаровск. Заказное.

— Сто двадцать рублей.

Он отдал деньги. Конверт уехал в ящик.

Выйдя на улицу, Андрей глубоко вдохнул. Мороз обжёт лёгкие.

На обратном пути он увидел Митрошина-младшего: тот шёл к школе в резиновых сапогах на шерстяной носок, и голые щиколотки уже посинели от мороза. Андрей сунул руку в карман — там оставалась часть денег, тёплая от тела. Хотел окликнуть, дать хоть немного. Не дал. Деньги уже стали

семейными. Значит, чужими.

«Ты зачем сюда пришёл?» — спросил Атык.

«Денег заработать».

«Деньги — бумага».

«Бумага, — подумал Андрей. — Которая кормит семью».

Он пошёл на пирс. Второй рейс ждал.

Глава 7

Втягивание

1992 год, апрель — май

Через месяц Басова перестали называть «учителем». Для одних он стал «Басовым» — уважительно, с оттенком страха. Для других — «Андреем Сергеичем» — по привычке. Только Атык продолжал звать его «учителем», и в этом было что-то горькое, как застывшая смола.

Рейсы стали регулярными. Два-три в неделю, если погода позволяла. Андрей водил сейнер вслепую, без навигатора, ориентируясь на карты и эхолот. Толян платил аккуратно: пятьсот, восемьсот, одна тысяча.

После третьего рейса соль белела у него на ресницах, пальцы трескались до крови, воротник бушлата не просыхал сутками. Он засыпал стоя, просыпался от стука льда по борту и всё равно шёл на следующий выход, потому что усталость можно было заглушить, а деньги — пересчитать.

Деньги уходили в Хабаровск. Лена перестала бросать трубку. Однажды Надя позвонила сама:

— Папа, мы новые сапоги купили. Мама сказала, ты молодец.

— Рад, дочка.

— Ты приедешь на Новый год?

— Постараюсь.

Глава 8

Конверт

1992 год, конец мая. Хабаровск. Квартира Лены.

Через несколько месяцев после первой зелёной бумажки Лена получила конверт. Не почтовый — передал дальнбойщик, который вёз рыбу на материк и сказал только: «От Андрея Сергеича».

Она открыла его на кухне, когда Надя делала уроки за тем же столом, где когда-то Андрей молчал, слушая её ультиматум. Внутри лежали пять тысяч долларов. Не рубли, которые обесценивались быстрее хлеба. Доллары. Тяжёлые, плотные, пахнущие чужой жизнью.

— Мам, что там? — спросила Надя, заглядывая с порога.

— Деньги. От отца.

— Он прислал?

— Он.

Надя подошла, взяла конверт, пересчитала — медленно, как взрослые считают беду, а не подарок.

— Это же целое состояние. Мам, папа что, бандит?

Лена хотела сказать «нет». Хотела сказать, что он просто работает в море. Хотела защитить дочь от слова, которое уже ходило по кухне босиком и не собиралось уходить.

— Не знаю, дочка, — выдохнула она. — Не знаю.

Она посмотрела на деньги. На старую обувь у двери. На

пустой холодильник. На Надины учебники, обёрнутые в прошлогоднюю газету. Потом закрыла конверт и положила в ящик стола.

Не выбросила.

С этого дня Лена перестала спрашивать Андрея, где именно он работает. Молчание тоже бывает подписью. Просто её никто не просит ставить ручку на бумагу.

Глава 9

Шторм

1992 год, июнь

В июне пришла беда.

Сейнер шёл обратным курсом, трюмы полные. Краба грузили под завязку — почти восемь тонн, больше обычного. Толян торопил, говорил, что японцы ждут, что цена упадёт, что надо успеть.

В проливе попали в шторм. Волна — десятиметровая, чёрная, с белыми гребнями. Сейнер кидало как щепку. Андрей стоял у штурвала, вцепившись мёртвой хваткой.

— Курс держи! — орал Серёга. — Не уводи!

— Пытаюсь!

Волна ударила в борт. Сейнер накренился, вода хлынула в трюм.

— Краб сыплется! — закричал кто-то снизу. — Ловушки полетели!

Толян выбежал на палубу, заорал матом. Но мат не помогал. Шторм был сильнее.

Атык стоял у мачты, вцепившись в леер. Не кричал. Просто смотрел на волны, как будто читал их.

— Держи на норд-вест! — сказал он вдруг. — Там проход!

— Какой проход? — не понял Андрей.

— Там, между камнями. Узкий. Но пройдем.

— Ты уверен?

— Я всю жизнь здесь хожу. — Атык посмотрел ему в глаза. — Доверяй.

Андрей повернул штурвал. Сейнер зарылся носом, выпрямился, пошёл наперерез волне.

Три минуты, как в агонии. Волны били, захлёстывали палубу. Андрей не видел ничего, кроме компаса и лица Атыка, который стоял рядом и молчал.

Потом волны стихли. Сейнер вышел в тихую бухту, окружённую скалами.

— Приехали, — выдохнул Атык.

Толян упал на колени и перекрестился.

— Чуть не утопили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.